

Видовая пара и ее разные трактовки

ЛАСЛО ЯСАИ

JÁSZAY László, ELTE BTK Orosz Nyelvi és Irodalmi Tanszék, H-1088 Budapest, Múzeum krt. 4/D.
E-mail: jaszay.laszlo@btk.elte.hu

(Received: 25 April 2013; accepted: 17 June 2013)

Abstract: This paper presents that aspectual pairs were given in various ways in various periods, depending on the current trends in linguistics, while the essence of semantic definition, the lexical identity of imperfective and perfective verbs did not change. The essence of the modern interpretation lies in the functional approach to the determination of aspectual pairs. On the one hand, it enlarges the notion of aspectual pairs (cf. approximate pairs, aspectual partners), on the other hand, it makes obvious that the aspect and the manners of action are tightly inter-related.

Keywords: aspectual pair, prototypical pair, manner of action, delimitative verbs, imperfectivization, perfectivization

0. В содержательном плане понятие видовой пары определяется в научной литературе достаточно единообразно: общим и наиболее существенным элементом в имеющихся дефинициях является то, что объединенные в пары глаголы не различаются (или не должны различаться) лексическим значением, их отличие заключается лишь в значении вида – по принятой формулировке: в наличии или отсутствии признаков целостности и ограниченности пределом действия. При признании лексической тождественности видовых коррелятов спорным является лишь вопрос о том, толкуется ли данное понятие в рамках словообразования или словоизменения, однако, как справедливо отмечают Анна А. Зализняк и А. Д. Шмелев, «все существенное, что можно сказать про русский вид, можно сформулировать в рамках как того, так и другого подхода» (Зализняк–Шмелев 2000: 16). На основе данного вступительного замечания, однако, неправильно было бы заключать, что понятие видовой пары уже утратило свою актуальность для дальнейшего исследования. Наоборот, есть основания считать, что теория видовой парности с включением проблемы объема соотносительности выделяется из славянской аспектологии как отдельная отрасль, и тем самым занимает центральное место в проблематике категории вида. Исследования в этой области, очевидно, продолжают по сей день: об этом свидетельствуют многочисленные статьи последнего времени, посвященные специально общим и частным вопросам видовой соотносительности (см., в частности, Гак 1996, Апресян 1997, Черткова 1997, Ясаи 1997, Падучева 1998, Гловинская 1999, Зализняк–Шмелев 2004, Храковский 2005, Зализняк–Микаэлян–Шмелев 2010, Горбова 2011 и др.). Хочется специально напомнить и о том, что проблема парности обсуждалась

и в рамках анкетирования, проведенного по спорным вопросам русской аспектологии (см. Ответы на вопросы 1997, а также анализ этих ответов в статье: ЧЕРТКОВА и др. 1997). К сказанному следует добавить, что «противоречивые» моменты иногда встречаются и в лексикографической практике, и из этих фактов естественным образом следует, что в педагогической практике также обнаруживаются колебания в связи с неуверенностью выделения видовых пар.

В то же время само понятие «видовая пара» должно считаться несомненно ключевым. По словам М. Ю. Чертковой, «это не просто средство передачи оппозиции видовых значений, видовая пара является, если можно так выразиться, единицей измерения грамматической категории вида» (ЧЕРТКОВА 1997: 241). В свете этого понятно, почему вопрос видовой соотносительности традиционно представляет регулярно обсуждаемую проблему в лингвистике, такое явление, которое в разные эпохи описывалось неодинаково, на основе разных теоретических подходов. В настоящей статье внимание уделяется вопросу о том, в каком направлении в последнее время продолжают поиски новых решений. Предварительно заметим, что принятое в основном положение в связи с соотносительностью (в основе которого лежит представление о тождестве в лексическом значении) зачастую варьируется от автора к автору по частным вопросам видовой парности – и это разнообразие касается не только теоретической аспектологии, так как отсутствие единой трактовки видовой пары закономерно отражается и в ее прикладных описаниях. Если рассмотреть истолкование видовой парности с привлечением сравнительно длительного периода – периода последних ста лет, то можно наблюдать такую тенденцию, что в последние десятилетия относительно подачи видовых пар теоретические обоснования соотносительности акцентируются в большей степени на функциональной основе.

1. Однако, прежде чем охарактеризовать нынешний этап исследования видовой соотносительности, коротко остановимся на его важнейших моментах в историческом рассмотрении этого вопроса. До начала прошлого века, а именно до 1908 года не различались понятия «вид глагола» и «способы глагольного действия», значит, с аспектуальной точки зрения, в сущности, не различались те дериваты, которые в современной аспектологии относят к разным плоскостям глагольной семантики, разграничивая в ней, с одной стороны, грамматические или, по крайней мере, преимущественно грамматические функции (это вид), и, с другой стороны, лексико-грамматические функции (это способы действия). Разумеется, что при недостаточном учете этого факта особенно видообразующая перфективация понималась шире. Отметим, что в указанном выше году вышла в свет основополагающая статья шведского лингвиста С. Агрелля, в которой он представил свою новую концепцию на материале польского глагола (AGRELL 1908). К этому следует еще добавить, что в русской лингвистической литературе его мысли оставались сравнительно долгое время без отклика, практически незамеченными. Ю. С. Маслов был первым, кто системно разработал данный круг

вопросов, в частности, и применительно к русскому глаголу, в рамках инициативы Агрелля, исходя из его основных положений (Маслов 1958, Маслов 1965). Справедливо считается, что именно Маслов заложил основы современной славянской аспектологии, значит, начало этого этапа восходит к 50-м годам XX века.

1.1. Четкое разграничение и различение категорий вида и способов действия привело к тому, что понятие видовой пары многими исследователями истолковывалось с учетом более строгих морфологических критериев, чем раньше, или, чем сегодня. В 1950-е годы был введен термин «чистовидовая пара», в качестве которых признавались преимущественно суффиксальные пары, т. е. пары, образованные посредством имперфективации, а приставочные же пары, образованные в процессе перфективации (пары типа *писать*–*написать*) многими исследователями расценивались как приблизительные, «нечистые». Правда, с другой стороны, в то время распространился и термин «чистовидовая приставка» применительно к парам, образованным путем приставочной перфективации. В течение 1950–1960-х годов просуществовала и более радикальная точка зрения, которая привела к углублению разрыва между наукой и ее прикладной отраслью в обучении, ибо некоторые грамматисты попросту вывели префиксальные соотношения из состава видовой парности – значит, согласно их интерпретации, такие противопоставления не считались парами. Такой строго морфологический подход (при неприятии функционального подхода) лежал в основе подачи видовых пар в 17-томном академическом словаре, в котором практически не приводятся приставочные пары типа *писать*–*написать*, и такая же трактовка парности характеризует концепцию А. В. Исаченко в его главной монографии, в которой отрицается указанный тип префиксальной парности (Исаченко 1960: 155–167).

После того как виды и способы действия как разные, хотя и близкие друг другу, феномены аспектуальности уже были достаточно подробно и дифференцированно описаны, акцент в исследованиях стал переноситься на изучение их взаимодействия (см., в частности, Маслов 1962: 12, Бондарко 1971, Шелякин 1983, Крекич 1989), и при выделении видовых пар большее внимание уделялось функциональному аспекту (Черткова 1997, Гловинская 2001: 82–147, Зализняк–Шмелев 2004). Этот более комплексный подход естественным образом привел к некоторому расширению понятия парности (см. подробнее ниже), но, с другой стороны, функциональные критерии этого понятия были эксплицитно сформулированы посредством определенных трансформационных операций (подробнее см. в работах Анны А. Зализняк и А. Д. Шмелева).

2. Перейдем к характеристике выделения видовых пар на функциональной основе, что впервые было предложено в часто цитируемой статье Ю. С. Маслова (ср. Маслов 1948: 307). Прежде чем, однако, обратиться к конкретным примерам, следует отметить, что в настоящее время уже практически нет таких исследователей, которые отрицают возможность существования префиксальных видовых пар. (В этой связи концепция Л. Янды, в которой

понятие видовой пары по существу отвергается, требовала бы отдельного анализа. Краткое замечание по этому поводу см. в абзаце 3.4.) Проблема чистовидовой (или иначе: пустой, десемантизированной, грамматикализованной) префиксации состоит скорее в том, где проходят границы чистой перфективации, т. е. какие приставочные дериваты следует включить в состав видовой пары, и какие модификации нельзя считать видовыми коррелятами. При этом с приставочных пар типа *писать–написать* естественно снимается бытовавшая раньше ограничительная характеристика «приблизительной парности», она переносится на такие соотношения, перфективный коррелят которых до 1990-х лет не считался парным – в частности, из-за его принадлежности к тому или иному способу действия. Таким образом, хотя и с некоторыми оговорками, начинают признаваться новые типы приставочных пар. Очевидное сближение с подлинными приставочными парами наблюдается в случае делимитативов с приставкой *по-*, т. е. таких глаголов, как *посидеть, поговорить, погулять* по отношению к своим исходным бесприставочным глаголам (ср. Петрухина 2000: 148), а также в случае некоторых глаголов с собственно начинательным значением (ср. *пойти* при исходном глаголе *идти* или *закричать* при *кричать*). В признании парности этих глаголов (этих способов действия) убеждает в первую очередь применение теста Ю. С. Маслова: изменение вида путем перевода глагола СВ из прошедшего времени в позицию настоящего исторического (см. в абзаце 3.1.).

При указанном здесь переосмыслении видовой соотносительности, т. е. при расширении этой сферы с включением многочисленных приставочных пар, конечно, статус суффиксальных пар не изменился, они по-прежнему признаются «подлинными» или «законными» (наименование взято у Анны А. Зализняка и А. Д. Шмелева), никем не оспариваемыми или, термином А. В. Бондарко, прототипическими парами. При оценке чисто видовых пар различаются лишь подходы: суффиксальные пары, как правило, толкуются в рамках словоизменения, в то время как префиксальные пары – в рамках словообразования.

2.1. Встает вопрос, почему все-таки целесообразно дифференцировать пары как «прототипические» и «незаконные»? Под «незаконными» нами будут здесь пониматься разные формулировки, такие, как приблизительные или «нечистые», окказиональные пары. Заметим, что в литературе встречаются и другие, менее категоричные, на наш взгляд, удачные термины, содержащие уточнение, и указывающие, что они не отождествляются с общепризнанными парами: это «видовой партнер» (ЛЕНМАНН 1988: 177–178) и «видовой (или аспектуальный) способ действия» (МЕЛИГ 1995: 144, МЕЛИГ 1997: 186). Как показывает функциональный анализ, дело, по-видимому, в том, что свойства видовой соотносительности в разных глагольных соотношениях проявляются с неодинаковой полнотой, из полного набора функциональных признаков парности зачастую реализуются не все – иногда лишь один из возможных признаков говорит в пользу соотносительности, при поддержке соответствующего контекста (см. *искать* и *найти* в абзаце 3.4.1.).

Исходя из таких особенностей коррелятивности, мы раньше предложили описать видовую парность в структуре такого поля, которое имеет свой центр, и обширную сферу постепенного перехода от центра к периферии (см. Ясли 1997). Ниже остановимся на нескольких примерах такой видовой соотносительности, пары которой оказываются за пределами центра (т. е. за пределами прототипической соотносительности), и которые терминологически можно было бы назвать функциональными или приблизительными, «незаконными».

3. Как уже указывалось, основным ориентиром для признания двух глаголов в качестве видовой пары является функциональный критерий Ю. С. Маслова: (1) тест на настоящее историческое, и (2) тест на многократность. Именно этот критерий применяется большинством лингвистов, так как возможность обоих преобразований должна свидетельствовать о сохранении тождества лексического значения глаголов. Мы также придерживаемся этого критерия, хотя помимо указанных приемов возможны для проверки и другие случаи обязательной имперфективации – в частности, такими являются некоторые виды отрицания: *подойди – не подходи, надо купить – не надо покупать* и т. п. Можно, конечно, исходить и из имперфективного действия, тогда для проверки соотносительности могут служить случаи обязательной перфективации. В дальнейшем остановимся на таких глаголах, парность которых считается спорной.

Обращает на себя внимание, что преобразования на нижеследующих примерах с соотношениями *идти–пойти, видеть–увидеть* и *кричать–закричать* несомненно удовлетворяют предложенному Масловым тесту (по крайней мере одному из указанных преобразований).

3.1. Функционирование соотношения *идти–пойти* при указании цели движения: (1) *Он пошел в угол, сел на лавку и уперся локтями в колени* (Федин: Старик) → предлагаемое преобразование дает в настоящем историческом: *Он идет в угол, садится на лавку и упирается локтями в колени*; (2) *После тренировки он пошел домой, поужинал и лег спать* → в плане повторяемости: *После тренировки он обычно шел домой, ужинал и ложился спать*. Соотношение *видеть–увидеть* при повествовании в настоящем также дает на тест положительный результат: *Я вошел и вдруг увидел...* → *Вхожу и вдруг вижу...* – значит, и в этом случае нет основания подвергать сомнению соотносительность глаголов. Подобным же образом устанавливается смысловое соответствие между фразами *Он вдруг закричал* и *Он вдруг кричит*. Более того, и близкие по значению перфективные формы *крикнул* и *прокричал* дают в позиции настоящего исторического форму *кричит*. Как мы видим, функционально, согласно критерию Маслова, данные операции свидетельствуют о парности указанных здесь видовых противопоставлений.

3.2. С этой точки зрения интересно, что мультипликативы (типа *прыгать*) и семельфактивы (типа *прыгнуть*), т. е. глаголы разных способов действия, парадоксальным образом также составляют нормальную видовую пару. Точнее, дело в этой связи в том, что *прыгать* употребляется не только

в своем первичном акциональном значении, т. е. в значении многоактного способа действия (напр., *Он прыгает на батуте*), но и как заместитель семельфактива в настоящем времени: *Он прыгает через забор* (что соответствует фразе *Он прыгнул через забор*). Ср. еще эквивалентность: *Он выбежал на балкон и прыгнул вниз* и *Он выбегает на балкон и прыгает вниз*. Подобным образом доказывается функциональная соотносительность других корреляций данной группы – *толкать–толкнуть, мигать–мигнуть, хлопнуть–хлопнуть* и т. п.

3.3. Неслучайно – хотя и не без оговорок – делимитативы (с приставкой *по-*) многими лингвистами воспринимаются как видовые корреляты СВ. Дело здесь, как кажется, в том, что в делимитативах как *постоять, поговорить, погулять, поиграть* и т. п. значение ‘некоторое время, оцениваемое говорящим как сравнительно краткое’ заметно теряет свою силу, если говорящий, соблюдая правила русского языка, просто должен употребить СВ, и он имеет в своем распоряжении только данный способ действия (на самом деле, «видовой способ действия»). Например, в таком диалоге: *Садитесь. – Спасибо, я постою*. Выбор делимитатива здесь объясняется необходимостью использования простого будущего и не столько желанием говорящего выразить кратковременность стоячего положения. По подобной же причине просто требуется инфинитив СВ в словосочетаниях типа *Я хочу с вами поговорить; Удалось вам поговорить с ней? Завтра поговорю с ней*. Другой типичный контекст, требующий употребления СВ – это последовательность действий, секвентная связь: *Пообедал, погулял и вернулся на работу*. Значит, во всех этих контекстах – примеры перехода значения способа действия в видовую функцию. Поэтому такие глаголы в самом деле правомерно назвать либо «видовым партнером», либо «видовым способом действия», либо незаконным видовым коррелятом.

3.3.1. По поводу делимитативов вернемся к мультипликативным глаголам типа *прыгать*. Если в функциональном плане в некоторых контекстах делимитативы должны трактоваться как парные глаголы, то, разумеется, эту особенность мы не должны оставлять без внимания и в случае мультипликативов. По этой логике глагол *прыгать* входит практически в две пары: а) *прыгать–прыгнуть* – в представленном выше значении (напр., *через забор*) и б) *прыгать–попрыгать* – в последнем соотношении перфективный глагол выступает как «видовой делимитатив»: *Дети выбежали на двор, попрыгали, поиграли и вернулись в дом*.

3.4. Известно, что видовые корреляции могут явиться трехчленными просто и потому, что перфектив соотносится с двумя глаголами НСВ – с бесприставочным исходным глаголом и вторичным имперфективом, содержащим и приставку. Таким образом создаются видовые тройки, как например, *есть–съесть–съесть что-то*, причем в безобъектном употреблении создается пара *есть–поесть* (*Мы уже поели; Я хочу поесть*). В результате многозначности исходного глагола – в соответствии со значениями – нередко создаются разные тройки. Здесь укажем на глагол *готовить*, который в одном

значении входит в корреляцию *приготовить–приготовливать* (например, *ужин*), в другом значении соотносится с *подготовить* и *подготовливать* (напр., *ученика к экзаменам*), а в третьем (с оттенком ‘заранее, заблаговременно’) с *заготовить–заготовливать*. Если учесть, что с примыканием некоторых способов действия к многозначным корреляциям число «коррелятов» все увеличивается, то на самом деле создаются не только пары или тройки, а, выражаясь термином Лоры Янды, «видовые гнезда». Именно это наименование (в оригинальной формулировке: *aspectual clusters* – буквально «пучки») предлагается норвежским лингвистом (JANDA 2007), однако концепция кластеров в ее понимании практически представляет и отказ от понятия видовой пары, с чем вряд ли можно согласиться. В нашем понимании из признания видовых гнезд не следует отрицание видовой парности, и даже используемый в ее терминологии «естественный перфектив» во многих случаях означает чистовидовой коррелят СВ, что в общепринятой терминологии соответствует парному глаголу СВ.

3.4.1. На периферии видовой соотносительности следует коснуться и соотношения *искать–найти*, у которого, конечно, лексической тождественности ни в каких контекстах быть не может. Тем не менее иногда оно приводится в качестве видовой пары (Авилова 1976: 247, 249; Янко-Гриницкая 1982: 97; Черткова 1996: 122; Камынина 1999: 159), и тем самым созданная таким образом «пара», с формальной точки зрения, ставится в один ряд с подлинными супплетивными парами (с такими, как, напр., *класть–положить, ловить–поймать*). Соблазн к признанию глаголов *искать* и *найти* в качестве «видовой пары» объясняется тем, что процесс, выражаемый глаголом *искать*, представляет подготовительную фазу для результата, выражаемого глаголом *найти*, и именно этот характер соотношения НСВ и СВ лежит в основе так называемых предельных пар – ср. *искал и не нашел*, с одной стороны, и *ловил, но не поймал; решал, но не решил* и т. п., с другой. С точки зрения соотносительности (хотя и не подлинной, а окказиональной) нам более приемлемой представляется такая трактовка, согласно которой глагол *искать* входит не в пару, а в тройку: *искать–найти–находить*. Однако в этой связи возникает следующая проблема: несмотря на то, что первичный и вторичный имперфективы семантически взаимодополняют друг друга, что характерно для троек, здесь абсолютно исключено их синонимическое употребление (возможное вообще в случае троек, хотя и не во всех контекстах). Причину этого следует свести к разным значениям сравниваемых имперфективов – к отсутствию в *искать* достигнутого результата и к постоянному наличию этого признака в *находить*, что сопровождается в данной корреляции и невозможностью выражения процесса.

4. В заключение нашего обзора естественно задать вопрос: какой путь развития прошла лингвистика в исследовании видовой парности за последние 100 лет? На самом деле, следует сказать, что представленная выше расширенная трактовка видовой соотносительности в каком-то смысле напоминает, с одной стороны, возвращение к истокам славянской аспектологии,

в сущности, к «доагрелльскому» периоду, но, с другой стороны, с выявлением особенностей взаимной связи вида и способов действия, этот возврат осуществился с дифференцированной аргументацией на более развитом уровне и в достаточно разработанных теоретических рамках.

Литература

- АВИЛОВА 1976 = АВИЛОВА Н. С. *Вид глагола и семантика глагольного слова*. Москва: «Наука», 1976.
- АПРЕСЯН 1997 = АПРЕСЯН Ю. Д. Лексикографическая трактовка вида: нетривиальные случаи. В кн.: *Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ*. Т. 2. Москва: «Издательство Московского университета», 1997. 7–20.
- БОНДАРКО 1971 = БОНДАРКО А. В. Виды глагола и способы действия в русском языке. *Русский язык в национальной школе* 1971/2: 6–17.
- ГАК 1996 = ГАК В. Г. Функциональные видовые пары в русском языке. В кн.: *Словарь, грамматика, текст*. Москва: «Институт русского языка РАН», 1996. 62–71.
- ГЛОВИНСКАЯ 1999 = ГЛОВИНСКАЯ М. Я. Аспектуальные корреляции на периферии видовой системы. В кн.: Тоšović Branko (Hrsg.): *Die grammatischen Korrelationen*. Graz: Institut für Slawistik der Karl-Franzens-Universität, 1999. 245–256.
- ГЛОВИНСКАЯ 2001 = ГЛОВИНСКАЯ М. Я. *Многозначность и синонимия в видо-временной системе русского глагола*. Москва: «Азбуковник», «Русские словари», 2001.
- ГОРБОВА 2011 = ГОРБОВА Е. В. Видовая парность русского глагола: проблемы и решения. *Вопросы языкознания* 2011/4: 20–45.
- ЗАЛИЗНЯК–МИКАЭЛЯН–ШМЕЛЕВ 2010 = ЗАЛИЗНЯК Анна А., МИКАЭЛЯН И. Л., ШМЕЛЕВ А. Д. Видовая коррелятивность в русском языке: в защиту видовой пары. *Вопросы языкознания* 2010/1: 3–23.
- ЗАЛИЗНЯК–ШМЕЛЕВ 2000 = ЗАЛИЗНЯК Анна А., ШМЕЛЕВ А. Д. *Ведение в русскую аспектологию*. Москва: «Языки русской культуры». 2000.
- ЗАЛИЗНЯК–ШМЕЛЕВ 2004 = ЗАЛИЗНЯК Анна А., ШМЕЛЕВ А. Д. О месте видовой пары в аспектуальной системе русского глагола. В кн.: *Die Welt der Slaven*. Band 21. Festschrift für Peter Rehder zum 65. Geburtstag. München: Verlag Otto Sagner, 2004. 311–322.
- ИСАЧЕНКО 1960 = ИСАЧЕНКО А. В. *Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким*. Братислава: «Издательство Словацкой академии наук», 1960.
- КАМЫНИНА 1999 = КАМЫНИНА А. А. *Современный русский язык. Морфология*. Москва: «Издательство Московского университета», 1999.
- КРЕКИЧ 1989 = КРЕКИЧ Й. *Семантика и прагматика временно-предельных глаголов*. Budapest: Tankönyvkiadó, 1989.
- МАСЛОВ 1948 = МАСЛОВ Ю. С. Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке. *Известия АН СССР*. Отделение литературы и языка. Т. 7. Вып. 4. Москва, 1948. 303–316.
- МАСЛОВ 1958 = МАСЛОВ Ю. С. *Роль так называемой перфективации и имперфективации в процессе возникновения славянского глагольного вида*. Москва: «Издательство Академии наук СССР», 1958.
- МАСЛОВ 1962 = МАСЛОВ Ю. С. Вопросы глагольного вида в современном зарубежном языкознании. В кн.: *Вопросы глагольного вида*. Москва: «Издательство иностранной литературы», 1962. 7–32.

- МАСЛОВ 1965 = МАСЛОВ Ю. С. Система основных понятий и терминов славянской аспектологии. В кн.: *Вопросы общего языкознания*. Ленинград: «Издательство Ленинградского университета», 1965. 53–80.
- МЕЛИГ 1995 = МЕЛИГ Х. Р. Гомогенность и гетерогенность в пространстве и времени. В кн.: КАРОЛЯК С. (ред.) *Семантика и структура славянского вида*. Т. 1. Кракów: WSP, 1995. 131–158.
- МЕЛИГ 1997 = МЕЛИГ Х. Р. Ответы на вопросы анкеты аспектологического семинара филологического факультета МГУ. В кн.: *Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ*. Т. 2. Москва: «Издательство Московского университета», 1997. 183–186.
- Ответы на вопросы 1997 = Ответы на вопросы аспектологического семинара филологического факультета МГУ. В кн.: *Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ*. Т. 2. Отв. ред. М. Ю. Черткова. Москва: «Издательство Московского университета», 1997. 140–233.
- ПАДУЧЕВА 1998 = ПАДУЧЕВА Е. В. Опыт систематизации понятий и терминов русской аспектологии. *Russian Linguistics* 22 (1998): 35–58.
- ПЕТРУХИНА 2000 = ПЕТРУХИНА Е. В. *Аспектуальные категории глагола в русском языке (в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками)*. Москва: «Издательство Московского университета», 2000.
- ХРАКОВСКИЙ 2005 = ХРАКОВСКИЙ В. С. Аспектуальные тройки и видовые пары. *Русский язык в научном освещении* 2005/1: 46–59.
- ЧЕРТКОВА 1996 = ЧЕРТКОВА М. Ю. *Грамматическая категория вида в современном русском языке*. Москва: «Издательство Московского университета», 1996.
- ЧЕРТКОВА 1997 = ЧЕРТКОВА М. Ю. Видовая пара в современном русском языке: к определению понятия. В кн.: КАРОЛЯК С. (ред.) *Семантика и структура славянского вида*. Т. 2. Кракów: WSP, 1997. 241–252.
- ЧЕРТКОВА и др. 1997 = ЧЕРТКОВА М. Ю., ПЛУНГЯН В. А., РЯБЧИКОВ А. А., КУЗНЕЦОВ Д. О. Ответы на вопросы аспектологического семинара филологического факультета МГУ. *Вопросы языкознания* 1997/3: 125–135.
- ШЕЛЯКИН 1983 = ШЕЛЯКИН М. А. *Категория вида и способы действия русского глагола. Теоретические основы*. Таллин: «Валгус», 1983.
- ЯНКО-ТРИНИЦКАЯ 1982 = ЯНКО-ТРИНИЦКАЯ Н. А. *Русская морфология*. Москва: «Русский язык», 1982.
- ЯСАИ 1997 = ЯСАИ Л. О принципах выделения видовой пары в русском языке. *Вопросы языкознания* 1997/4: 70–84.
- AGRELL 1908 = AGRELL S. *Aspektänderung und Aktionsartbildung beim polnischen Zeitworte*. Lund: Håkan Ohlssons Buchdruckerei, 1908.
- JANDA 2007 = JANDA L. Aspectual clusters of Russian verb. *Studies in Language* 31 (2007): 607–648.
- LEHMANN 1988 = LEHMANN V. Der russische Aspekt und die lexikalische Bedeutung des Verbs. *Zeitschrift für slavische Philologie* 48 (1988): 170–181.